

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Прогнозирование общественно-политических процессов остается одной из важнейших задач всего комплекса социогуманитарных наук. Возрастающая важность прогностики как науки обуславливается, прежде всего, ростом системной сложности современных обществ, когда существенно возрастает цена ошибочного управленческого решения. Если рассматривать общественные процессы в терминах синергетики, то можно подчеркнуть, что оно способно сыграть роль механизма, подталкивающего систему в нежелательном для нее направлении развития и вызвать ее дисбаланс. Кроме того, реализация социальных проектов составляет 20-30 лет, срок активной жизнедеятельности целого поколения, поэтому возникает необходимость просчитывать результаты реформаторских начинаний на десятилетия вперед.

Традиционно существовали три основных направления прогнозирования – религиозное, социально-утопическое и философско-научное. Религиозное исходит из положения, что существует божественное провидение, определяющее ход событий. Утопизм в его чистом виде проектирует будущее вне связи с настоящим, а проекты будущих обществ, как правило, лишены динамизма и конструктивной напряженности, поэтому нереалистичны. Философско-научное направление исходит из рационального подхода к проблемам общественного развития, пытаясь выделить тенденции развития на основе анализа закономерностей развития изучаемого явления и процесса.

Современная теория прогнозирования (прогностика) предполагает два способа прогнозирования – поисковое и нормативно-целевое. Поисковое – это собственно прогноз, выдвижение альтернативных сценариев, анализ их вероятности, а нормативно-целевое -- это, по большому счету, гибкое планирование, когда вначале устанавливаются желаемые конечные параметры развития (цели), а затем определяются необходимые для этого

ресурсы. Поисковое чаще всего осуществляется методом экстраполяции существующих тенденций объекта в будущее, при этом экстраполяция может быть как линейной, так и циклической. Циклическая экстраполяция (учет экономических и политических циклов и их проекция в будущее) гораздо более перспективна, чем линейная. Так, проект Н.С.Хрущева «построение коммунизма за 20 лет» основывался на линейной экстраполяции, когда предполагалось, что высокие темпы роста экономики начала 1960-х гг. сохранятся в течение последующих 20 лет и еще будут нарастать. Был проигнорирован опыт изучения экономических циклов, в которых фазы подъема и спада чередуются. Эту же ошибку повторили проекты будущего России как «второго Запада», выдвинутые деятелями либерального движения конца 1980-начала 1990х гг. Этот подход также основывался на линейной экстраполяции существующих тенденций демократизации общественной жизни. Был очерчен желаемый образец будущего, без учета того, что в обществе просто другая социокультурная специфика. При этом культурная традиция Запада принималась за образец, а собственная не учитывалась или оценивалась отрицательно. Был проигнорирован опыт политических циклов «реформ- контрреформ», который сопровождал всю российскую историю, а также такой фактор российской политической системы, как мощная государственность, без которой трудно представить интеграцию общества. Поэтому в современных прогнозных сценариях чаще всего применяют синергетическую методологию, основанную на видении общества как сложной системы, в которой периодически возникают кризисные состояния, и общество находится перед «развилкой» путей развития (точка бифуркации), в которой незначительное воздействие на систему может привести к непропорционально сильным эффектам.

По срокам осуществления (по хронологическому принципу) прогнозы также бывают нескольких видов. Обычно выделяют краткосрочные (3-5 лет), среднесрочные (10-15 лет) и долгосрочные (30-50 лет) прогнозы. Существуют различные точки зрения на целесообразность данного

разделения. Так, в исследовании М.П. Лезгиной «Детерминация прогнозирования» это деление аргументируется так:

1. Относительно краткосрочные прогнозы, опираются на сильные основания. Они представляют собой обоснованные выводы о ходе какого-либо процесса или реализации проекта, когда пути завершения начатого ясны и требуется лишь оценка и осмысление задач, решаемых на пути к этому.

2. Среднесрочные прогнозы с относительно слабыми основаниями, связанные с реконструкцией общих тенденций развития изучаемой системы, с определением возможностей серьезных преобразований в ней в будущем.

3. Долгосрочное социально-экономическое и научно-техническое прогнозирование, осуществляемое на комплексной оценке результатов многих экстраполяций различной степени обоснованности¹.

Как видим, здесь дается достаточно абстрактная классификация: неясно, как отличить сильные основания от слабых. В истории были примеры, когда тенденции, которые считали основными и экстраполировали вперед на десятилетия, вдруг исчезали в течение достаточно короткого периода. Например, демонтаж советской системы и развал СССР: в большинстве западных прогнозов сосуществование двух систем предполагалось на несколько десятилетий вперед².

Методологическая трудность состоит и в том, как теоретически описать модель определения возможности серьезных преобразований в будущем, исходя из современного состояния общественной системы. Здесь велика доля субъективизма, которая присутствует во всех пророчествах. Еще К.Ясперс отмечал, что «Прогноз никогда не бывает нейтральным. Правилен он или неправилен, прогнозирующий анализ неизбежно вызывает побуждение к действию. То, что человек считает возможным, определяет его

¹ Лезгина М.П. Детерминация прогнозирования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С.88.

² См., например: The Future of the Soviet Empire. Edited by Henry S.Rowen and Charles Wolf, Jr. The Macmillan Press LTD. 1988; Гэлбрейт Дж.К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование: Пер. с англ. М.:Прогресс, 1988. и др.

внутреннее отношение к происходящему и его поведение”¹. Кроме того, возникали ситуации, когда сделанные прогнозы побуждали к активным действиям, которые меняли соотношение сил и способствовали реализации более благоприятного сценария. В качестве примера можно привести формулировку Сталина, положенную в его проект модернизации: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют... Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹. Здесь мы видим, как допуск возможности усиления международной напряженности и новой войны, осознание неготовности страны к борьбе с потенциальными противниками стали важным фактором модернизации 1930-х гг. (как и всех российских модернизаций).

Несколько иную оценку деления срочности прогнозов приводит С.Л.Афанасьев:

1. Ближайшее будущее ... это такое перспективное состояние, для возникновения которого имеется большинство необходимых предпосылок, а немногие оставшиеся находятся в стадии почти полной готовности. На достижение этого состояния общество должно затрачивать сегодня преобладающую часть своих материальных ресурсов, предназначенных для развития.

2. Среднеудаленное будущее – это состояние экономики, общества, большинство предпосылок для возникновения которого близки к созреванию. Соответствующий прогноз должен предостеречь общество от затраты ресурсов текущего периода на достижение этого состояния, т.к. в противном случае из-за их нехватки возникнут большие диспропорции и потери. Среднесрочный прогноз должен показать, что ближайшие затраты формируют очередную ступень для достижения более высокой стадии экономического и социального развития.

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С.163..

3. Далекое будущее – перспективное состояние общества, предпосылки которого находятся еще в очень ранней или зачаточной фазе развития. Фиксируя эту фазу, наука не может уверенно ответить на вопрос об их дорастании до зрелой стадии. Поэтому прогноз далекого будущего – это гипотеза с неопределенной вероятностью осуществления.¹

Данная классификация хорошо подходит для определения приоритетности целей государственного развития. Однако и здесь остается методологическая сложность определения грани между предпосылками, близкими к созреванию, и находящимися в зачаточной форме развития. Так, в прогнозах марксистов середины XIX в. считалось, что передача власти в руки пролетариата и создание правительства из представителей трудящихся – дело ближайшего будущего, т.е. эта возможность рассматривалась как предпосылка, близкая к созреванию.

Сложность задачи определения созревания исторических условий для реализации каких-либо реформаторских замыслов связана с тем, что для исторического процесса в еще большей мере, чем для нелинейных процессов в органическом мире, специфично такое последствие, как своего рода накопление прошлых действий без видимых до поры проявлений, которые начинают оказывать свое влияние при особых условиях, например, в форме традиций. В связи с этим существует еще один проблемный момент – определение такой категории, как историческая закономерность, т.к. это понятие составляет основу циклических и линейных прогнозных моделей. Исторические закономерности разворачиваются на протяжении какого-либо времени. О них говорится, когда важно выявить саму логику определенного социально-политического или культурного процесса.

Анализируя историческое развитие как конкретного общества, так и всего человечества в целом, можно выявить определенные закономерности. Существуют различные подходы к возможности их определения.

¹ Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 39.

Так, Л.Гринин выделяет несколько способов реализации общих законов:

-поскольку законы – лишь идеальная модель, действие и проявление их может быть очень различным: от мощного до незаметного;

-для заметного проявления закона нужны условия, которые иногда представляются как уникальные;

-ни один закон не может действовать везде с постоянной силой;

-закономерности и случайности дополняют друг друга, а закономерность носит вероятностный характер².

Проблема исторического закона наиболее остро ставит вопрос о характере исторического знания: является ли оно знанием общего, постоянного, необходимого, объективного, либо его специфика заключается в познании единичного, уникального, случайного, субъективного. Первая точка зрения выдвигалась позитивистами, вторая – антипозитивистами. Выдающийся русский историк Н.И. Кареев отмечал, что существует два типа связи между событиями и условиями – закон и фактическая ситуация. Понятие закона не приложимо к исторической науке вследствие отличия ее задач от задач других наук. Историческая наука – это наука феноменологическая, т.е. изучающая факты, явления и связи, закон же является главной категорией номологических наук: «Если можно говорить об исторических законах со сколько-нибудь научным основанием, то не в смысле законов, по которым совершалась вся история, а в смысле единообразий, наблюдаемых в жизни отдельных народов».³ Формулировка закона возможна лишь в том случае, если он опирается на явления, обладающие характеристиками повторяемости, однородности,

¹ Афанасьев С.Л. Будущее общество. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2000. С.22

² Гринин Л. Указ.соч. Гринин Л. Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества: опыт философско- социологического анализа всемирно-исторического процесса. В 3-х ч. Ч.1. Волгоград, Б.и., 1995.С.108.

³ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Часть1. Сущность и задача философии истории. СПб.: Издание Л.Ф.Пантелеева, 1887.С.21.

неизменяемости и постоянности связей и отношений¹. Как отмечал этот выдающийся русский историк, «Я всегда отрицал и продолжаю также теперь отрицать существование исторических законов в смысле законов, действие которых предreshало бы самое течение исторических событий... я отнюдь не исключал признания психологической и социологической закономерности»².

Историческая школа «Анналов» также осторожно подходила к проблемам установления каких-либо исторических законов. Ее основатели для точности прогноза сосредотачивали внимание на всестороннем объяснении долговременных социально-политических тенденций и процессов. Так, Ф. Бродель отмечал, что «объяснение будет заключаться для нас в отыскании связей между ритмами материальной жизни и многообразными приливами и отливами в других сферах человеческой деятельности. Ибо складывается не одна, а множество всяческих конъюнктур, постепенно разворачивающих свое действие в истории...»³.

Проблема исторического закона как специфической научной категории находит отражение и у Г. Риккерта, который полагал, что «Различение, устанавливаемое между естествознанием и историей, должно основываться... на противоположности между постоянно имеющими силу *понятиями* и всегда изменяющейся и становящейся *действительностью*...»⁴.

Н.К.Михайловский также отмечал, что мы не можем усмотреть законы, общие для всех наук. «Если бы когда-нибудь нашли эти общие законы, самостоятельное существование отдельных наук прекратилось бы, и мы действительно имели бы право сказать... что «нет закона той или другой науки, и есть только закон науки вообще»⁵. Достижение такого идеального состояния науки невозможно.

¹ Халтурин Ю.Л. Антипозитивистская концепция исторического закона Н. И. Кареева// София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. 2003. Выпуск № 6.С.8.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.С.289.

³ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа 2: в 3ч. Ч.2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги/Пер. с фр. М.А.Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2003.С.792.

⁴Риккерт Г. Границы естественного образования понятий. Логическое введение в исторические науки/Пер.с нем. СПб.: Наука. 1997.С.230-231.

⁵ Михайловский Н.К.Герои и толпа. Избранные труды по социологии. В 2-х т. Т.1. СПб, Алетейя, 1998. С.331-332.

Споры о трактовке исторической закономерности связаны, прежде всего, с научной парадигмой XIX в., когда за образец теоретического научного знания были взяты принципы классической физики и требования точности, принятые в естественных науках, попытались распространить и на гуманитарные знания. С одной стороны, это способствовало развитию гуманитарного знания, породило такую науку, как социология, с другой, привело к упрощенному пониманию трактовки законов развития общества. Предполагаемые закономерности стали идеологической основой для масштабных социальных проектов. Идея прогресса как основной закономерности развития человечества стала основой идеологии модернизации, но в качестве теоретической основы прогнозности концепция линейно-поступательного движения быстро показала свою ограниченность. Открытие разного рода циклов и появление синергетической модели сложных процессов принесли новые положения в теорию прогнозирования.

Исторические тенденции и локальные законы, которые предполагается использовать в построении прогнозов, не могут быть абсолютными и универсальными, подобно физическим константам. Они действуют в определенных границах, причем их сочетание каждый раз носит специфический характер, который заставляет говорить об условности всякой исторической параллели. При этом прогнозы допустимы как модели с определенной степенью вероятности, с учетом допущения, что в будущем сохранятся рамки выполнимости тех законов и тенденций, на основе которых делается прогноз, или же допустить расширение этих рамок, что приведет к меньшей точности прогноза. Экстраполяция на будущее какого-либо процесса или тенденции исходит из определения наиболее вероятного, реально возможного хода развития событий. При исследовании социальных процессов строить прогнозы особенно трудно в переломные моменты развития, поскольку могут возникнуть синергические эффекты типа «малые причины – большие следствия», в том числе и прогнозируемые. Из одних и тех же посылок оказывается выводим широкий ряд альтернатив будущего.

Какая-либо модель или схема – лишь условный аналог реальных процессов. Следует определить, насколько она внутренне непротиворечива, какие из наблюдаемых явлений и процессов могут быть объяснены с ее помощью, насколько она удобна и операбельна. Например, проект будущего устройства российского общества, выдвигаемый деятелями российского либерализма, точно подмечает тенденцию вестернизации всех сфер жизнедеятельности социума (массовое сознание, политические институты и др.), распространение индивидуализма, и в этом плане вполне операбелен, т.к. эти тенденции вполне можно экстраполировать в будущее. Но этот проект игнорируют ряд обстоятельств, такие, как архетипическая цивилизационная идентичность социума, цикличность российской истории, неспособность российской либеральной идеологии (в ее нынешнем виде) дать человеку большие смыслы существования, интегрировать социум и др. В результате эта программа может остаться идеальной моделью, каковой она была в истории России XIX-XX вв., а реализацию получают лишь некоторые тенденции, которые необходимо учитывать при составлении социальных проектов. Например, учитывая рост индивидуализма, внести коррективы в образовательные программы, учебно-методический процесс и др.

Одна из характерных черт политических проектов как прогнозов – сначала определение «предпочтительного» будущее, а затем предложение оптимальной траектории для достижения этого состояния, забывая, что далеко не любое будущее нам доступно – для перехода к некоторым вариантам у системы может просто не быть ресурсов. С одной стороны, политический проект должен артикулировать идеалы, мобилизующие общество на их достижение, и в этом плане требовать от него реалистичности и трезвого учета сложившихся тенденций не представляется возможным – в любой идеологии в качестве цели провозглашается некое идеальное состояние общества, достижение которого является своего рода сверхзадачей. С другой, ориентация на решение этой сверхзадачи может дезориентировать в постановке целей на различные периоды развития, о чем

было уже сказано выше. Поэтому представляет интерес опыт реализации крупных социальных проектов в различные исторические эпохи, что дает возможность более точно выявить, какими ресурсами располагает общество на современном этапе. Эти ресурсы складываются из самых разнородных факторов жизнедеятельности социума, и их определение представляет серьезную методологическую трудность. С одной стороны, существуют самые различные модели определения геополитического веса, «мощи» какого-либо государства или цивилизации. С другой, эти модели могут объяснить далеко не все исторические факты. Например, как можно было, исходя из потенциала СССР начала 1920-х гг., сделать прогноз, что система располагает ресурсами стать сверхдержавой уже в среднесрочной перспективе? Ведь казалось, что революция и гражданская война отбросили государство в докапиталистическую эпоху и исчерпали его цивилизационные ресурсы. Или стремительный рост геополитического веса Китая, который в 1930-е гг. был объектом колониальной экспансии, а в долгосрочной перспективе стал одной из сильнейших держав планеты?

Необходимо отделять социальный идеал в политическом проекте от реальной картины происходящих процессов, и в то же время они должны увязываться и соотноситься, задавая общественному сознанию конструктивную динамику. В современной России положительный социальный идеал как таковой отсутствует, а действительность позволяет проводить аналогии с капитализмом латиноамериканского типа, характеризующимся резким социальным расслоением и криминализацией общества. В отечественных СМИ в 1990-е гг. отечественная история рисовалась во многом в негативном свете, что в сочетании с цинизмом правящей элиты и массовым «обвалом» прежних ценностных установок породили растерянность и отсутствие четких идеалов. На уровне общества это было отрефлексировано как отсутствие национальной идеи. Если при относительно неторопливом ходе истории доиндустриального периода такое «выпадение» исторического сознания могло длиться десятилетиями

(примеров в истории России масса, хотя бы эпоха «бириновщины»), то при динамизме современной эпохи это обстоятельство способно сыграть роль аттрактора, имеющего гораздо более разрушительные последствия.

Е.С.Бочкарева

РАЗВИТИЕ ЗАВОДОВ КАК ЭЛЕМЕНТОВ ЕДИНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ ЗАВОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЛУГИНИНЫХ В XVIII В.)

Для современной России характерны проблемы, связанные с промышленным комплексом. Многие заводы перестают действовать, на других уровень производства сокращается. Эти и многие другие явления говорят о необходимости изучения исторического опыта развития российской промышленности, ее государственного и, особенно, частного сектора, методов управления и организации производства на них, взаимодействия с внутренним и внешним рынками и т. п.

Практически все частные промышленные комплексы уже изучены исторической наукой. Но все же остаются еще белые пятна в истории уральской промышленности. Одним из них является промышленный комплекс заводчиков Лугининых, в то время как их деятельность была важной составляющей в формировании и развитии промышленности Южного Урала. Таким образом, деятельность Лугининых является неотъемлемым элементом функционирования южно-уральской металлургической промышленности.

Во многом успешное существование и развитие промышленного комплекса зависит от организации производства на каждом отдельном заводе и от правильного распределения функций между всеми заводами, входящими в этот комплекс. То есть от создания своего рода системы промышленных предприятий, каждый элемент которой выполняет свои определенные функции. Заводское хозяйство Лугининых состояло из пяти заводов: Златоустовского, Троице-Саткинского, Кусинского, Артинского и